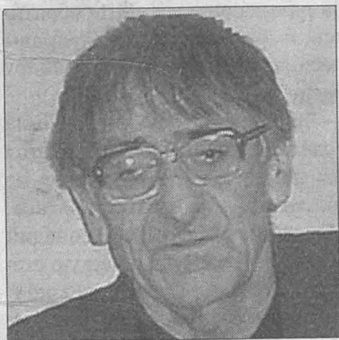

Собеседник Сартра и Камю

СОЛО

Георгий ГАЧЕВ

культуролог

Сегодня, оглядываясь на 60–80-е, вдруг отчетливо осознаешь: а ведь то была золотая эпоха интеллектуального и художественного творчества в истории России. Застой, неподвижность, оцепенение (в политике, в экономике, во власти) — плотина-преграда энергиям людей реализовываться на этих поприщах направила их силы в русло Духа — и шел разлив творчества в науках и искусствах. И вот являлись блестящие имена в науке и театре, поэзии и культурологии, в философии и в кино...

Среди той плеяды светила и светит звезда Самария Великовского. Судьба его — единственная и типична в одно и то же время. Это был человек, чей опыт и личность остались уроком достойной жизни в самых непригодных для его ремесла временах. Любим он был многими и многим помогал — талант щедр и не завистлив к соседним талантам...

Самарий Израилевич Великовский из специалиста по французской литературе XIX века в глухие советские годы не просто развился в оригинального мыслителя со своим мировидением и слогом, он изливал-излучал мысль и многих ею питал. Поприще его было самое трудное — вблизи центрального огня, пекла идеологии и ее недреманных ок — цензоров. Редакторов, начальничков, оберегавших от проникновения заразы вольномыслия и внутри, и особенно снаружи — держа «железный занавес» для идей с Запада. Как сложно было в тех условиях блюсти профессию, чей предмет был современная литература и философия самой вольномысленной страны Запада — Франции. Разрешалось информировать о тамошнем, о том, что там делалось, формулировалось, происходило лишь в жанре «критики буржуазной идеологии». И нашим философам приходилось изощряться, чтобы под этим видом «протаскивать» к нам идеи экзистенциализма, феноменологии, модернизма в эстетике, чтоб рассказать, поразмыслить и побеседовать и с Хайдеггером, и с Гуссерлем, и с Сартром, и с Камю — все это были сюжеты, вошедшие в обиход, ставшие близкими современникам с помощью Самария. С помощью его интеллектуальной отваги и мастерства.

Надо сказать, что в этом жанре были и игра, и азарт, и хитроумие, и артистизм, и риск канатоходца над пропастью. Надо было обладать особым умением, чтобы в своих статьях, книгах, эссеях самовыразиться: изложить систему дорогих душе идей и взглядов на мир, человека, власть, поведение, нравственный выбор в пограничных ситуациях, многие тонкости и сложности, представляющие каждому человеку тут в жанре как бы полемики — с Сартром, Камю, с Мальро, Элюаром и Арагоном...

Этот артистизм изощренной мысли откладывался в стиле, в характере фразы. Возникали длинные периоды, мысль широкого дыхания, с рефлексиями ироническими и на себя, и на предмет. Богатейшая палитра интонаций, радужный спектр — так что чтение текста доставляло и доставляет интеллектуальное и художественное наслаждение. Избыток мыслительной энергетики даже в некоей барочной расточительности сказывался. И тогда и сегодня при чтении Великовского меня посещала гордость за человека — что он так может!...

Но вот я взял его «Антологию французской поэзии XIX — XX веков», где вводные статьи — на страничку-полторы — шедевры лаконизма! Дан портрет каждого поэта — и в его характерности, и в его движении, в сложных изменениях. Оценена его роль и в контексте времени, и в сознании последующих читателей. Дана оценка этой роли, оценка поэта-звена в долгом развитии французской литературы, с перспективой из прошлого в будущее.

Всем, кто тогда пытался честно работать в филологии и словесности, знакома эта изматывающая душу и нервы интеллектуальная свободомысленная философская работа в самой близи от тоже неглупых и тоже изощренных «чуять душок не нашей идеологии» функционеров, цензоров, издателей. При всей изысканности стиля требовалось писать на нормальном русском языке, внятном каждому читателю, а не так, как ученые семиотики, что сумели выработать свое «прикрытие», свой собственный эзотерический жаргон.

Так французское становилось частью русского, и в советские времена возникали почитатели и знатоки французской культуры. Не франкофоны только — но все, кто готов был оценить богатство поэзии, философии, чужого языка.

И как важно сегодня, когда все стирается, испаряется, кажется, бесследно, чтобы не исчезала память о людях, сумевших стать звеном, скрепой между нами и другой языковой культурой, другим способом мысли; между своим и чужим языком, освоенным, обжитым и любимым как родной.

Меня Новичков - 2006 - 21-27 января - 30